

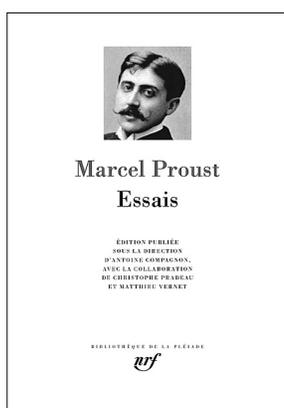
С. Л. Фокин

Марсель Пруст «Против Сент-Бёва»: contra aut pro?

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_316

Proust M. Essais / Édition publiée sous la direction
d'Antoine Compagnon, avec la collaboration Christophe Pradeau
et Matthieu Vernet.

Paris: Gallimard, 2022. — 2064 p. — (Bibliothèque de la Pléiade. № 229).

Среди массива разнородных публикаций, которыми французское литературное и научное сообщества отметили столетие смерти Марселя Пруста (1873—1922), возвышается многосложная и монументальная пирамида «Опытов» — новое научное издание всех критических этюдов писателя, подготовленное группой авторитетных прустоведов во главе с академиком А. Компаньоном. Это объемистое издание оснащено основательным библиографическим, историко-литературным и текстологическим аппаратом, выверенной хронологией жизни и творчества писателя и представляет в наиболее полном виде творческую лабораторию великого романа, где все время усложнявшаяся формула эпопеи постоянно поверялась рефлексивными

этюдами, в которых Пруст осмыслил грядущее творение. Перед заинтересованным читателем открывается своего рода рефлексивное зазеркалье романного цикла «В поисках потерянного времени»¹, в лабиринтах которого обнаруживаются совершенно новые виды на, казалось бы, хорошо известную, досконально изученную, многократно увеличенную панораму становления замысла, в котором притязательное сооружение Книги-Собора подразумевало не менее притязательное самовоспитание романиста-конструктивиста и философа-законодателя. В свете этого гигантского собрания набросков нарративной и рефлексивной прозы окончательно развеивается главная иллюзия, сопровождавшая рецепцию «Поисков...» с момента публикации первых томов: будто это произведение являет собой не что иное, как дилетантскую репризу «Исповедей» в духе Августина, Руссо или Толстого, усугубленную инфантильным самокопанием светского литератора-декадента fin de siècle: «Я искал великие законы, а меня называли копателем деталей»².

Вместе с тем сразу необходимо подчеркнуть, что если одной из наиболее очевидных и плодотворных жанровых моделей всей эпопеи «Поисков» выступает Bildungsroman (молодой Пруст зачитывался «Годами учения Вильгельма Мейстера»), то, несмотря на все усилия, которые предпринимает А. Компаньон в своем предиди-

- 1 Мы отступаем от устоявшегося русского перевода названия романа по причинам, о которых нам уже случалось писать, см.: Фокин С. Пруст, которого мы не знали // Новое литературное обозрение. 2020. № 165. С. 387—388.
- 2 Proust M. À la recherche du temps perdu / Éd. sous la dir. de J.-Y. Tadié. P.: Gallimard, 1989. T. IV. P. 618.

словии (IX—LIV), чтобы установить избирательное сродство новоявленных «Опытов» с одноименной книгой М. де Монтеня, последняя явно отходит на второй план, уступая авансцену главного *прототекста* великого романа «Беседам по понедельникам», «Новым понедельникам» и «Литературным портретам» — литературоведческим этюдам, регулярно публиковавшимся в парижской периодике середины XIX столетия Ш.О. де Сент-Бёвом, самым авторитетным литературным критиком и историком французской культуры того времени, впоследствии объявленным основоположником биографического метода в литературоведении.

Именно в умственных борениях с «методом Сент-Бёва» складывались те размышления о принципах литературной критики, поэтике романа, теории живописи, философии искусства, которые и образуют «теоретический», или рефлексивный, остов нового издания. Собственно говоря, одно из наиболее бесспорных его достоинств заключается в окончательном и бесповоротном развенчании культурного мифа, порожденного французскими издателями и литературоведами, в свое время выпустившими в свет два взаимодополняющих и взаимоисключающих варианта книги «Против Сент-Бёва»: речь идет о своего рода книге-призраке, фантомном сочинении, над замыслом которого Пруст бился в 1905—1910 гг., делая разножанровые повествовательные наброски, оттачивая литературное мастерство в пастишах, испытывая себя в роли светского хроникера, сочиняя литературоведческие или философические этюды.

Все эти малые формы стали отходить на задний план приблизительно в 1909—1910 гг., когда опыты *полуэссе-полурома* «Против Сент-Бёва» стали перерождаться, сливаться в одно разнородное и могучее течение большой прозы. Таким образом, одна часть этого рукописного наследия осталась в виде незавершенных и неопубликованных отрывков, в то время как другая часть выходила в свет в газетах и журналах начала века как опыты литературной, салонной или художественной критики, тогда как третья часть преобразовалась, принимая формы романа и вливаясь в общий поток «Поисков...», где напряженное обретение потерянного времени *fin de siècle* сопровождалось избирательным воспроизведением текущего момента 1912—1922 гг., что и превращало роман Пруста в литературный памятник целой эпохи.

Начало мифа было положено в 1954 г. первым изданием «Против Сент-Бёва»³, подготовленным и выпущенным в свет Б. де Фаллуа (1926—2018), первопроходцем неторенных в то время путей научного изучения наследия Пруста: в начале 1950-х гг. выпускник Сорбонны, поработавший преподавателем литературы в лицеех, решил писать докторскую диссертацию по творчеству Пруста, что не вызвало большого энтузиазма среди университетских мэтров⁴. Тогда на него обратил внимание известный французский литератор А. Моруа, незадолго до этого опубликовавший романизированную биографию «В поисках Марселя Пруста» (1949); он был знаком с Сюзии Мант-Пруст, племянницей автора «Поисков...», унаследовавшей его богатейший архив, в который и получил заветный доступ молодой исследователь. Никто, включая и самого амбициозного ученого, не мог даже пред-

3 Proust M. Contre Sainte-Beuve; suivi de Nouveaux mélanges / Préf. de B. de Fallois. Paris: Gallimard, 1954.

4 См. об этом: Mauriac Dyer N., Fallois B. de. «L'histoire d'un roman est un roman» // Genesis. 2013. № 36. P. 105—112. Ср. также: Fraisse L. Aux sources de la «Recherche du temps perdu» // Proust M. Le Mystérieux correspondant et autres nouvelles inédites. Suivi de «Aux sources de la “Recherche du temps perdu”» / Textes transcrits, annotés et présentés par L. Fraisse. Paris: Editions de Fallois, 2019. P. 12—15. См. также русский перевод этого издания: Пруст М. Таинственный корреспондент и другие ранее не публиковавшиеся новеллы / Пер. с фр. и коммент. С.Л. Фокина. М.: Текст, 2021.

ставить себе, во что выльется эта невинная авантюра: последовательно на свет были извлечены заброшенный юношеский роман «Жан Сантей», опубликованный в 1952 г. с предисловием А. Моруа, и полуроман/полуэссе «Против Сент-Бёва», первое издание которого было издано вместе со сборником критических этюдов «Новые смеси», составленном и озаглавленном в пандан к книге «Пастиши и смеси», выпущенной самим Прустом в 1919 г. после обрушившейся на него известности, вызванной присуждением Гонкуровской премии роману «Под сенью юных девушек в цвету».

В самые последние годы стало известно, что громкие публикации 1950-х гг. отнюдь не исчерпали богатейших залежей архива писателя, львиная доля которого была передана в 1962 г. во Французскую национальную библиотеку, хотя часть рукописей, в том числе процитированный выше юношеский сборник «Таинственный корреспондент», остались в распоряжении Фаллуа; остается только гадать, почему они не были преданы печати в 1950-е гг.

Первое издание книги «Против Сент-Бёва» счастливо соединило в себе два противоречивых начала всего замысла — рефлексивное и нарративное. Это противоречие находится в отправной точке всего замысла, как он определился в середине декабря 1908 г. в одном из писем: «Я собираюсь написать кое-что о Сент-Бёве. В своих мыслях я, так сказать, выстроил две статьи (журнальные). Одна — классической формы, в духе опытов Тэна, разве что похуже. Другая начнется с описания позднего утреннего пробуждения, Мама подойдет к моей постели, и я перескажу ей статью, которую хочу написать о Сент-Бёве. Во всех подробностях»⁵. В этой формулировке наглядно представлены ведущие стихии задуманного сочинения: первая, скорее теоретическая, в духе культурно-исторических «опытов» (эссе) И. Тэна, крупнейшего историка европейской культуры и литературы, одного из кумиров молодого Пруста; вторая, собственно романическая, в которой соединяются мотивы воспоминания, поминовения (умершей в 1905 г. матери) и душевного разговора, который ведется *неким автофикциональным я*, резко отличавшим замысел книги «Против Сент-Бёва» от собственно автобиографического романа «Жан Сантей». Парадокс замысла заключается в том, что в нем не теория опосредует историю, а, наоборот, литература, повествование, роман преодолевают, превосходят и «снимают», в гегелевском смысле, философию. Каждой из двух стихий соответствуют особые повествовательные режимы: романное начало, которое главенствует в таких отрывках, как «Сны», «Спальни», «Будни», «Лучик солнца на балконе», характеризуется особой задушевностью, исповедальностью, сердечностью; теоретическое, наоборот, отличается дидактичностью, педантичностью, полемичностью и доминирует в таких литературно-критических этюдах, как «Метод Сент-Бёва», «Жерар де Нерваль», «Сент-Бёв и Бодлер», «Сент-Бёв и Бальзак».

В сборнике, составленном в 1954 г. Фаллуа, две противоположные стороны задуманного сочинения, которое сам Пруст называет в письмах того времени то «Против Сент-Бёва», то просто «Сент-Бёв», если не примирялись, то сглаживались набросками, в которых повествовательное начало намеренно, хотя и не всегда удачно, сочеталось с философским: прежде всего, речь идет о «Разговоре с Мамой», но также о полуэтюдах/полурассказах «Бальзак мсье де Германта», «Имена людей» и развернутом философическом размышлении под названием «Проклятое племя», где писатель впервые представил свое видение проблематики Содомы и Гоморры, усложненное не вполне последовательными опытами внутреннего осознания связи сексуальной инверсии, которое так или иначе выводит персонажа за рамки общече-

5 Proust M. Correspondance. T. 8 / Texte établi, présenté et annoté par Ph. Kolb. Paris: Plon, 1981. P. 345.

ловеческих отношений; его «еврейского удела», что, несмотря на политику и практику ассимиляции, часто приходился не ко двору во великосветском парижском обществе Belle Époque; и, наконец, литературного призвания, настоятельно требовавшего как от персонажа, так и от самого автора сопротивления соблазнам как первой, так и второй стороны аффективно-социального существования.

Книга «Против Сент-Бёва» в редакции 1954 г., вскоре переизданная в карманном формате, пользовалась (и продолжает пользоваться!) огромной популярностью у французских читателей, особенно студентов: лишенная громоздкого научного аппарата, она читается как гениальный черновик великого романа, как оригинальное введение в мир Пруста, побуждающее читателя обратиться к самим «Поискам...». В добротном обстоятельном предисловии самого Фаллуа на удивление точно определялись значение и смысл этого замысла в генеалогии эпопеи; вместе с тем литературовед, излагая принципы отбора фрагментов для своего издания, не скрывал от читателей, что перед ними книга-призрак: «В сущности, “Против Сент-Бёва” — это не книга: это мечта о книге, идея некоей книги»⁶. Тем не менее издание Фаллуа не отвечало критериям научной публикации: отрывки для него подбирались весьма произвольно, почти все заглавия фрагментов были издательскими, пропуски в рукописях и незавершенность отдельных текстов не афишировались. Это был гениальный монтаж, в композиции которого угадывается своевольная рука будущего успешного издателя.

«Против Сент-Бёва» в редакции 1971 г. — это «блеск и нищета» французского университетского литературоведения того времени⁷. Внушительное научное издание более чем в тысячу страниц, треть которого занимают историко-литературные и текстологические комментарии, было подготовлено Пьером Клараком (1894—1979) — видным историком французской литературы, сумевшим соединить изыскания в области поэзии (Буало, Лафонтен) и прозы (Колектт, Шатобриан), успешную преподавательскую деятельность в университетах Пуатье и Парижа с поразительной административной и академической карьерой: назначенный правительством Виши в 1942 г. главным инспектором государственного образования, он в 1956 г. возглавил генеральную инспекцию филологических наук во Франции; позднее вошел в Высший совет государственного образования; в 1970—1978 гг. являлся постоянным секретарем Академии моральных и политических наук. К изучению Пруста Кларак обратился в начале 1950-х гг., подготовив к печати первое комментированное издание «Поисков...» в книжной серии издательства «Галлимар» «Библиотека Пляяды», ознаменовавшее вхождение Пруста в пантеон национальной культуры⁸. Издание «Против Сент-Бёва» в редакции Кларака представляло собой своего рода сумму позитивистской истории литературы, парадоксальным образом воспроизведя теоретическую программу Сент-Бёва, подразумевавшую повышенное внимание не столько к тексту, сколько к контексту, не столько к самому писателю, сколько к различным писательским и светским кругам, в которых тому приходилось вращаться, не столько к внутреннему «я» пишущего, сколько к мнениям, оценкам и суждениям внешнего окружения. Таким образом, не будет большим преувеличением, если сказать, что это издание следовало бы назвать не «Против Сент-Бёва», а «Защита и прославление Сент-Бёва». С актуальной точки зрения анахроничность этого грандиозного предприятия, приуроченного к торжествам, связанным со сто-

6 Fallois B. de. Préface // Proust M. Contre Sainte-Beuve. Paris: Gallimard, 1997. P. 23.

7 Proust M. Contre Sainte-Beuve; précédé de Pastiches et mélanges; et suivi de Essais et articles / Éd. établie par Pierre Clarac avec la collab. d'Y. Sandre. Paris: Gallimard, 1971.

8 Proust M. À la recherche du temps perdu / Texte établi et présenté par P. Clarac et A. Ferré. Paris: Gallimard, 1954. 3 vols.

летним юбилеем писателя, усугубляется тем историческим обстоятельством, что оно увидело свет в эпоху триумфа идей «смерти автора», структурного анализа, фрейдомарксизма. Словом, миф, или призрак, книги «Против Сент-Бёва» продолжил свое существование в культуре — на сей раз в наукообразном виде. Добавим также, что, поскольку из издания, опубликованного в престижной и дорогостоящей книжной серии «Библиотека Плеяды», были исключены все нарративные фрагменты, вместо которых явился авторский сборник 1919 г. «Пастиши и смеси», а также новый блок критических этюдов, озаглавленный «Опыты и статьи», весь том не только предоставил актуальный литературоведческий инструментарий, обеспечивавший проверенные подходы к самой эпопее, но и оказался своеобразным предметом роскоши, достойным занять самое видное место в домашних библиотеках интеллектуальных снобов. Разумеется, научный аппарат издания вполне отвечал новейшим достижениям тогдашней французской науки о Прусте, вбирая в себя те находки, открытия, свидетельства, которые без конца множились с момента выхода первого издания; однако очевидная несообразность этого тома всему замыслу Пруста, где наука, теория, философия поверялась поэтикой автофикционального рефлексивного романа, превращала его в некую «открытую книгу», что зывала к новым научным поискам и новым издательским решениям⁹.

Негативистский настрой Пруста в отношении самого авторитетного литературного критика Франции XIX в., выразившийся в названии «Против Сент-Бёва», был доведен до предела в третьей редакции издания критических этюдов автора «Поисков...», выпущенной в свет в 2022 г. А. Компаньоном — имя Сент-Бёва просто исчезло из названия нового тома «Плеяды»: вместо броского, эффектного заголовка, удачно подобранного Фаллуа и благоразумно сохраненного Клараком, читатель оказывается лицом к лицу с более чем традиционными и скорее аморфными «Опытами», освященными во французской культуре именем писателя, к которому литературовед-академик питает, как известно, давнюю слабость¹⁰.

Несмотря на то что в композиции тома так называемое досье Сент-Бёва занимает почти равновеликое место среди четырех основных частей всего корпуса разнородных литературных документов: лицейские и университетские письменные работы 1882—1889 гг.; этюды, печатавшиеся в эфемерных изданиях *fin de siècle*, наброски, отрывки, черновики, связанные с первыми книгами, опыты светской хроники и пастиши 1900—1911 гг., а также ряд программных выступлений, предисловий и статей 1912—1922 гг., — тень автора «Бесед по понедельникам» и «Литературных портретов» витает над всем начинанием, внушая убеждение, что в своей борьбе против Сент-Бёва Пруст волей-неволей перенимал какие-то приемы своего противника и прежде всего *напряженное внимание к истории культуры*.

-
- 9 Не совсем удачный пример весьма своеобразного решения проблемы «Против Сент-Бёва» представляет собой русское издание книги: *Пруст М. Против Сент-Бёва: статьи и эссе* / Пер. с фр. Т. В. Чутуновой; вступ. ст. А. Д. Михайлова. М.: ЧеРо, 1999. Нам уже приходилось писать, что замысел книги о Сент-Бёве — это замысел романа о создании романа, повествующего о смысле литературы, соединяющего в себе автобиографию и автофикцию, историю «сердечных перебоев» начинающего литератора и теорию романа-энциклопедии, вбирающего в себе романские формы прошлого и настоящего, «чувственное воспитание» романиста и становление индивидуальной философии искусства. Эта двойственность составляет напряженный нерв исходящих отсюда «Поисков...». И этой двойственности лишен русский читатель, получивший вместо книги, которую можно было бы назвать черновиком великого романа, произвольно составленный сборник статей в духе «Писатели о литературе». См.: *Фокин С. В поисках утерянного Пруста* // Новая русская книга. 2000. № 1. С. 14—15.
- 10 См.: *Компаньон А. Лето с Монтенем* / Пер. с фр. С. Рындина. М.: Ad Marginem, 2020.

Таким образом, несмотря на очевидное стремление А. Компаньона умалить значение замысла книги «Против Сент-Бёва» в интеллектуальной эволюции автора «Поисков», ему приходится признать, что даже в методе Пруста-романиста присутствуют элементы «эссеистической манеры» критика XIX столетия: «Этот замысел позволил ему в последний раз отложить написание романа, возможно также, перебороть страх, во всяком случае, разработать теоретическое основание, но он подтверждает вместе с тем, что в течение всей жизни писателя изводило искушение стать эссеистом, и объясняет, почему его роман принял форму своего рода эссе, или опыта» (ЛII). К этому необходимо добавить, что ни одного другого писателя Пруст не читал с такой настойчивостью, с таким постоянством и в таком объеме: если первые следы внимательного чтения Сент-Бёва восходят к 1905 г., то даже в 1912 г., когда замысел романа уже одержал победу над замыслом книги о Сент-Бёве, Пруст не оставляет мысли опубликовать последнюю. Таким образом, кроме «Бесед по понедельникам» (в рабочих тетрадах и других фрагментах упоминаются или цитируются 34 статьи из этого сборника), «Новых понедельников» (36 статей), «Современных портретов» (14 статей), «Литературных портретов» (5 статей), «Первых понедельников» (2 статьи), автор «Поисков...» цитирует такие книги Сент-Бёва, как «Шатобриан и его литературная группа эпохи Империи», «Пор-Рояль» и «Этюд о Вергилии». Более того, в какой-то момент замысел книги о Сент-Бёве соединяется в творческом сознании писателя с набросками, из которых уже к 1911—1912 гг. складывается первая собственно повествовательная часть «Поисков...», завершавшаяся, по задумке Пруста, своего рода теоретическим («эссеистическим») манифестом. Так, в середине 1909 г. в конфиденциальном письме к А. Валлетту, главному редактору журнала «*Mercure de France*», писатель, явно забегая вперед, поскольку проект весьма далек от завершения, делится своими планами, по-видимому, просто прощупывая почву для печати грядущего творения: «Я заканчиваю книгу, которая, несмотря на предварительное название “Против Сент-Бёва, воспоминания о позднем утреннем пробуждении”, представляет собой настоящий роман, причем роман местами крайне непристойный. Один из главных персонажей — гомосексуалист <...>. Имя Сент-Бёва появляется не случайно. Книга заканчивается долгим разговором о Сент-Бёве и эстетике...» (XLVI—XLVII). Заметим, наконец, что в своих последних заметках и статьях о Бальзаке, Бодлере, Гонкурах, Стендале, Флобере Пруст с такой настойчивостью говорит о неспособности Сент-Бёва распознать истинного художника среди писателей своего века, с такой горячностью отстаивает собственное убеждение в том, автор «Бесед по понедельникам» никоим образом не может претендовать на звание властителя дум или законодателя художественного вкуса, которым его награждали иные современники, что закрадывается подозрение, что романист чуть ли не ревновал к литературному авторитету противника, проникшись к нему смешанным чувством любви-ненависти. Впрочем, этой двусмысленности не исключал и сам Компаньон, опубликовавший незадолго до выхода «Опытов» статью с красноречивым названием «Любить Сент-Бёва», в которой раскрыл смысл этой формулы, встречающейся в одной из рабочих тетрадей Пруста¹¹. Собственно у самого писателя эта формула встречается в несколько ином виде: «И любить Сент-Бёва». Союз в начале назывного предложения превращает его не столько к констатацию, сколько в призыв, побуждение,

11 *Compagnon A. Aimer Sainte-Beuve // Cahier de l'Herne. 2021. № 134: Marcel Proust. P. 235—241.* Эту работу предварял цикл лекций, прочитанный автором в 2019 г. в Коллеж де Франс, которые сейчас доступны в интернете: *Compagnon A. Les Cours du Collège de France. Aimer Sainte-Beuve // <https://www.radiofrance.fr/franceculture/podcasts/les-cours-du-college-de-france/aimer-sainte-beuve-4500084>.*

подразумевающее также противоположный смысл — попирать Сент-Бёва, презирать его за совершенно ложное понимание литературы, но и пытаться его любить за отдельные «чудесные находки» в некоторых литературных портретах.

Строго говоря, вкус к истории, в двух, по меньшей мере, значениях этого слова — как научной практике вообще, как истории литературы в частности, наконец, как рассказу, искусству повествования, которому не чужды ни первая, ни вторая — вкус, который отличал труды и дни Сент-Бёва, лежит в основе нового издания рефлексивной и нарративной прозы Пруста. Уже говорилось, что весь корпус этих литературных документов подразделяется на четыре части: «Работы до 1911 года» (около 420 с.), где представлены крайне разнородные опусы начинающего писателя; «Пастиши и смеси» (около 270 стр.), где кроме авторского сборника 1919 г. даются различные наброски и документы, относящиеся к этому замыслу; «Досье “Против Сент-Бёва” (447 с.), включающее в себя все нарративные и рефлексивные фрагменты, с одной стороны, связанные с замыслом книги о Сент-Бёве, с другой — предвосхищающие черновые варианты отдельных частей эпопеи; «Работы после 1911 года» (около 150 с.), где представлены как опубликованные в периодике статьи и предисловия тех лет, когда шла интенсивная работа над романом, так и посмертные литературные документы, в том числе отклики на различные актуальные литературные события: ответ на вопрос протосюрреалистического журнала «Литература» «Почему вы пишете?» (1919), реплика на чествование столетия Ф.М. Достоевского в Париже (1922) и т.п. Очевидно, что по связности, цельности и объему фрагменты, относящиеся к замыслу книги о Сент-Бёве, превосходят прочие творческие опыты, представленные в этом томе.

В завершение этого критического обзора зададимся ключевым вопросом, который необходимо удерживать в памяти при осмыслении отношений, что связывали автора одного из величайших французских романов XX века с величайшим литературоведом Франции XIX в.: против чего же в «методе Сент-Бёва» выступал Пруст? Разумеется, наиболее обстоятельный ответ на этот вопрос можно было бы найти в одноименном фрагменте (с. 701—714)¹², однако рассуждения Пруста о методе Сент-Бёва отличаются такой бессвязностью, складываются из столь разноречивых положений, изобилуют столь витиеватыми оборотами, что к какому-то однозначному заключению прийти крайне затруднительно. Более того, скрытая и открытая полемика с авторами, которые возводили автора «Понедельников» на литературный пьедестал, не всегда ясные отсылки к сочинениям самого Сент-Бёва, а также незавершенность отдельных пассажей превращают этот «опыт» Пруста в крайне путаное сочинение, позитивные элементы которого приходится собирать буквально по крохам. Если не бояться контрастов, то можно сказать, что автор «Бесед по понедельникам» делает упор на «индустриальном характере» литературы, превращая социальное «я» писателя — его дружеские и любовные привязанности, литературные группы, в которые он входил или не входил, светские салоны, в которые он стремился попасть или которых сторонился, письма которые он писал или получал, мемуары или пасквили, в которых был запечатлен его образ — в пеструю связку ключей к произведению: литература здесь сводится к беседам о литературе; в отличие от Сент-Бёва, Пруст воспринимает литературу как сугубо «индивидуальный опыт», правда, не столько в смысле «опытов» Монтеня, то есть морально-философических этюдов о страстях души, сколько в смысле рискованного «чувственного воспитания», испытания себя в стихии опасности (*expérience*), в болезненном порождении внутреннего, персонального, суверенного «я», которое волевым усилием творит самого себя во времени произведения Книги. Сент-Бёв

12 Русский перевод: Пруст М. Против Сент-Бёва. С. 34—48.

скорее литератор-историк, он делает ставку на пантеон французской словесности, в извечном «споре древних и новых» он всегда принимает сторону классиков, что и лишает его способности по достоинству оценить современников — Стендаля, Нерваля, Бодлера, Флобера; Пруст — летописец эпохи модерна, романист-экспериментатор, заключающий в себе критика-философа, создатель индивидуально-социальной эпопеи, содержащей в себе философию искусства. Но, выстраивая свое суверенное «я» романиста против Сент-Бёва — биографа, Пруст-писатель без конца выбирает сторону Сент-Бёва в организации своей литературной жизни — без конца теряет время в приумножении дружеских и любовных привязанностей, в сочинении пространных эпистолярных посланий и подписании манифестов, в прилежных посещениях самых знаменитых столичных салонов и иначе знаменитых значных заведений Парижа, где ищет встреч с юношами в цвету; а главное, подобно своему «возлюбленному» противнику, он без конца глотает газеты, светскую хронику, новости с фронтов Великой войны, тома переписки, мемуаров, всякого рода «замогильных записок». Словом, было в Прусте что-то от Сент-Бёва, как он сам признавался в одном шутовском двустии, остроумно обыгрывая прозвище хозяйки одного из самых известных парижских салонов Мадлен Лемэр и своего литературного визави:

Боюсь, как бы мой роман о Вдовице Святой (Sainte-Veuve)
Не пришелся, между нами, по вкусу Бёва (la Veuve).